

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение литературы и языка
Пушкинская комиссия

А. С. Пушкин

ИСТОРИЯ ПЕТРА

Составление, подготовка текста,
предисловие и комментарии
В. С. Листова

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
П 91

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках конкурса «Пушкинист»*

Научный редактор:
профессор, д. и. н. А. Д. Степанский

Пушкин А. С.

П 91 История Петра / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. В. С. Листова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 392 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-88766-062-7

В книге воспроизведены пушкинские конспекты первых 9-ти томов 30-томника «Истории Петра Великого...» И. И. Голикова. Эти конспекты А. С. Пушкин вел в 1834–1835 гг. Археографическое оформление издания включает не только сверку пушкинского текста с автографом, но и предпринимаемое впервые разделение лексики Пушкина и лексики голиковского оригинала. Этим изданием существенно углубляется понимание самого длинного автографа писателя и расширяются словарь и словник его языка. Книга снабжена предисловиями и комментариями.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В оформлении обложки использованы:

- Гравюра неизвестного немецкого художника «Большой пожар в городе Петербурге в 1737 г.»
- «Портрет молодого Петра I», художник Ян Веникс, 1697 г.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© В. С. Листов. Составление, подготовка текста, предисловие, комментарии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

В. С. Листов	
«ИСТОРИЯ ПЕТРА» В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА	7
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	
(О тексте пушкинской «Истории Петра»)	43
<ИСТОРИЯ ПЕТРА	
Подготовительные тексты>	57
КОММЕНТАРИИ	315

«ИСТОРИЯ ПЕТРА» В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Творчество Пушкина как историка царствования Петра I привлекает внимание читателей и исследователей на протяжении многих лет. Образ монарха-реформатора, известный по художественным произведениям («Полтава», повесть о царском арапе, «Пир Петра Первого» и др.), дополняется в творчестве Пушкина научно-исторической прозой, публицистикой, конспектами, анекдотами, записями бесед поэта с современниками. Такой обширный и разнообразный материал создаёт в пушкинском мире некое идейное и тематическое пространство, условно называемое — «Пушкин и Пётр».

В этом пространстве подготовительным материалам к «Истории Петра» принадлежит особое, ни с чем не сравнимое место. Читатель, обратившись к пушкинским конспектам, испытывает двойственное чувство: с одной стороны — ощущаются напряжение и острый смысл классической прозы, а с другой — всё тонет в бездне конкретных фактов, не всегда значительных и не каждый раз толкуемых автором. Это чередование впечатлений точно выразил А. Т. Твардовский, под 5 января 1958 года записавший в своей рабочей тетради: «Читал “Историю Петра” Пушкина — чудесные тезисы, огромный объём материала, бездна деталей, имён, географии и прочего. Читаю как будто на неизвестном языке — что понятно, а что и непонятно по незнанию, но всё же интересно и удивительно»¹.

Между тем у «чудесных тезисов» Пушкина — своя история, свой неповторимо особенный путь к читателю.

1.

Взгляды Пушкина на историю Петра складывались в первой трети XIX века, когда наука о прошлом в России ещё не полностью выделилась из общей, синкретической области искусств и гуманитарных наук. Границы между исторической наукой, художественной литературой, этнографией, политической экономией, страноведением, фольклористикой, религиоведением и т. д. — ещё были размыты, неотчётливы. Уже одно это не позволяет судить об историческом профессионализме Пушкина, пользуясь современной терминологией. Кроме того, ретроспективно направленная мысль Пушкина выявляется не только (и даже не столько) в «Истории Петра» и других специально-исторических трудах («История

Пугачева», «История Украины», «Заметки по русской истории XVIII века» и др.), сколько во всём корпусе его прозаических и поэтических произведений, публицистики, писем. Своё понимание векового пути России Пушкин выразил, в основном, в образной, художественной форме. Исторические знания и исторические ощущения поэта «растворены» в тех же красках, которыми писаны стихи, повести, драматические опыты.

Понимание образной природы наследия Пушкина-историка необходимо для его изучения.

По указанным причинам в творчестве Пушкина вряд ли следует искать некую систематическую и последовательную концепцию истории Петра Великого. Это скорее область общечеловеческих страстей, чувствований и характеров, иногда более, а иногда менее погруженных в обстоятельства прошлого. Довольно ясно черты пушкинского историзма определены П. А. Вяземским в статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина»:

«В Пушкине было верное понимание истории: свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость. Он был чужд всех систематических, искусственно составленных руководств; не только он им был чужд, он был им враждебен. Он не писал бы картин по мерке и объёму рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки, для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению. Он не историю воплощал бы в себя и в свою современность, а себя перенёс бы в историю и в минувшее. Он не задал бы себе уроком и обязанностью во что бы то ни стало либеральничать в истории и фило-софничать умозрительными анахронизмами.

Пушкин был впечатлителен и чуток на впечатления; он был одарён воображением и, так сказать, самоотвержением личности своей настолько, что мог отрешать себя от присутщего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем. Все эти качества — необходимые для историка, и Пушкин обладал ими в достаточной мере»².

Взгляды Пушкина на историю Петра эволюционировали вместе с общественной позицией поэта — от молодого либерализма к гуманной разновидности легитимизма, к глубокому осознанию традиционных моральных ценностей.

Подход поэта к раннему материалу петербургского периода отечественной истории во многом определяется хронологической близостью событий; Пушкин сознаёт, что современная ему жизнь протекает в условиях, заданных XVIII веком, реформами Петра и Екатерины II. Это сравнительно недавнее прошлое; его нравы и быт сохранились во многих чертах и на протяжении первых десятилетий XIX века. Письменные источники дополняются живыми свидетельствами людей старшего

поколения, самого Петра I, конечно, не заставших, но несших с собою живую традицию дедов и отцов. Пушкин особенно ценил устные воспоминания отца и дяди, рассказы Н. К. Загряжской, И. И. Дмитриева, П. А. Ганнибала, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина и др.

Образ XVIII столетия складывался у Пушкина в основном по источникам (письменным и устным), т. к. русская историография предшествующего века была представлена лишь несколькими именами — Н. М. Карамзин, И. И. Голиков, Я. Я. Штелин, Д. Н. Бантыш-Каменский, М. М. Щербатов, Феофан Прокопович, В. Г. Рубан, П. И. Рычков и многие другие.

Историческая оценка Петра I и его реформ прошла в сознании Пушкина несколько этапов. В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) молодой свободолюбивый автор признавал необходимость преобразований и «выгоды просвещения». Вместе с тем Пушкин отметил, что следствием реформ стали разделение нации на простой «народ» и «бритых бояр», а также «схоластический педантизм» бюрократии. Не позднее середины 20-х годов поэт уже хорошо знаком с основными реалиями петровской поры, что даёт ему обширный материал как для художественного осмысления эпохи, так и для строго исторических суждений.

Рубежными для пушкинского понимания XVIII века стали события 1825—1826 гг., когда после поражения декабристов император Николай I начал насаждать культ Петра I и рассматривать собственное царствование как продолжение дел великого реформатора. На протяжении нескольких лет Пушкин поддерживал «игру» царя с петровским наследием, что нашло своё отражение в стихотворениях «Стансы» (1826), «Друзьям» (1828), в неоконченном романе о царском арапе (1827) и других произведениях.

Однако уже к концу 20-х годов отношение поэта к Петру I сильно удалилось от официальной апологетики. Оценивая через век результаты петровских преобразований, Пушкин всё более акцентирует внимание на современном засилии чиновничества, противопоставляет свои и карамзинские патриархально-дворянские идеалы бюрократической системе, возникшей в начале XVIII века. Поэт сочувственно относится к попытке правительства провести антикрепостнические и антибюрократические реформы, понимает их как корректировку крайностей петровского переворота. В письме к П. А. Вяземскому (1830) Пушкин давал оценку проекту манифеста, подготовленного секретным комитетом, работавшим с декабря 1826 года: «Государь уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы» (XIV, 69).

Провал этих реформ в связи с польским восстанием 1830—1831 гг. усложнил отношения Пушкина с правительством, усилил критическую составляющую в воззрениях на Петра и его преобразования.

Во всём корпусе пушкинских текстов и высказываний можно условно наметить три основных, тесно друг с другом связанных русла интереса поэта к петровской теме: история преобразований, характер и биография Петра I, судьба личности в условиях социального переворота в конце XVII — начале XVIII столетия.

Образ России, поднятой «на дыбы», обобщает представления Пушкина о реформах Петра. Но долготелее изучение исторических реалий дало Пушкину глубокое знание внутренних связей, подробностей эпохи. В рабочих тетрадах он не ограничил своё внимание художественно эффектными темами — стрелецкие бунты, сражения, строительство Петербурга, казни мятежников, придворная жизнь и т. д. Здесь отражены коренные вопросы политической и социально-экономической истории, законодательство, становление системы государственных учреждений.

Одним из важнейших актов царствования Петра I Пушкин считал указ о единонаследии 1714 г. («Указ о майоратстве»), уравнивший в имущественных и служебных правах вотчинников и дворян. В прекращении действия этого указа при Петре III и Екатерине II поэт видел причину раздробления имений между неслужащими наследниками, что вело к общему упадку дворянского сословия. Этот взгляд Пушкина ясно выражен в «Романе в письмах» и других произведениях.

В тех же рабочих тетрадах прослежены основные вехи перехода от приказов Московского царства к новой системе центральных органов управления — коллегиям, подробно изложены вопросы имущественного права, торговли, строительства армии и флота, прослежены шаги российской дипломатии, перемены в быту всех сословий и т. д. Особое место занимает здесь и история русской православной церкви, в частности уничтожение патриаршества и создание духовной коллегии — Синода.

Обобщая свои впечатления от работы над петровским законодательством, Пушкин отметил: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» (см. наст. издание, с. 285).

Пушкин хорошо знал тёмные стороны правления Петра I (массовые казни, гибель людей на строительстве Петербурга, дело царевича Алексея, интриги и пьянство при дворе и т. д.), но тем не менее находился под обаянием крупной, державной личности первого российского императора. Образ Петра особенно выигрывал на фоне его преемников,

не способных к крутым поворотам государственного руля. В легенде о Петре Великом, творимой поэтом, преобладали общекультурные черты: царь сравнивался с библейскими и античными героями, подчёркивались его патриотизм, следование государственным интересам, понимание дел и людей, самоотверженное служение отечеству. Внимателен Пушкин и к окружению Петра, к его сподвижникам; особенно занимает поэта образ собственного предка по материнской линии, арапа Ибрагима Петрова, чья фигура мощно — и, несомненно, исторически преувеличенно — выступает на страницах «Евгения Онегина», «Арапа Петра Великого», «Моей родословной», «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений».

В пушкинское время неофициальная общественная мысль ещё не разделилась окончательно на западнические и славянофильские течения. В этих условиях попытки Пушкина художественно осмыслить положение личности в обстоятельствах коренной социальной ломки, ориентированной на западные образцы, следует признать новаторскими. Сколь бы ни сочувствовал Пушкин реформатору и реформам, он глубоко проник в смысл и характер частных трагедий и катастроф, сопровождавших преобразования. «Волей роковой» вмешиваясь в людские судьбы, Пётр несёт либо гибель и разорение, либо насильственное, формальное «счастье». Уже в «Арапе Петра Великого» Пушкин соперничал своим героям — Наталье Ржевской, Валериану, Ибрагиму — которые расплачивались лучшими своими чувствами за монаршее желание разрушить мир старинного родового боярства. Тот же мотив звучал и в плане повести «Сын казнённого стрельца», и в варианте поэмы «Езерский», где один из персонажей был Петром «прощён и милостью окован». В «Медном всаднике», действие которого происходит век спустя, памятник Петру, «горделивый истукан», всё ещё преследует петербургского чиновника Евгения.

В итоге отношение Пушкина к Петру I и его реформам окончательно разошлось с официальной версией, что и было фиксировано императорским запретом «Медного всадника».

Положение Пушкина как политического мыслителя осложнялось и его постоянной агрессией против «новой аристократии», порождённой петровскими преобразованиями. Близкие потомки этой новой знати, выскочки, занимали ключевые государственные посты и, разумеется, без восторга встречали пушкинские напоминания об их старшей родне — портных, поварах, целовальниках или торговцах блинами. Раздражение многих влиятельных лиц могло быть вызвано намёками «Моей родословной», «Родословной моего героя» и даже образом вздорной старухи из «Сказки о рыбаке и рыбке».

Характерен — особенно в 30-е годы — постоянный интерес Пушкина к истории знатных семей, чья известность брала своё начало при Петре и рядом с Петром. Например, в томе тех же голиковских «Дея-

ний...» Пушкин отметил закладкой страницу³, на которой историк рассуждает о склонности Петра I доверять серьёзные акции людям в малых чинах — в противовес вельможам. «... в Истории Его Величества, — замечает здесь Голиков, — нередко встречается, что он при знатных Начальниках держал таких в малых чинах, но доверенных людей; а сии и были для них, так сказать, грозою или глазом его. Из числа таковых были Офицеры: Ушаков, Румянцов, Волков, Писарев, Щепотев, Пискорский и другие некоторые»⁴.

Новая знать, возросшая на служебном поприще, близко граничила с чиновничеством, с поповичами вроде М. М. Сперанского; а это в пушкинском кругу почиталось несчастьем, что и было основным мотивом «Записки о Древней и Новой России» Н. М. Карамзина. Поэт называл её «драгоценной рукописью».

С карамзинской критикой крайностей петровских преобразований, точнее, их исторических последствий, Пушкин был согласен.

Вместе с тем, самого Петра и совершенную им «революцию» Пушкин почитал явлением глубоко национальным, русским. Комментируя записки французского авантюриста Моро-де-Бразе, принимавшего участие в Прутском походе 1711 года, Пушкин настойчиво подчёркивает разделение петровских сподвижников на «русскую» и «иностранную» партии. Приверженность государя к соотечественникам для Пушкина очевидна; она его постоянно радует. «Моро не любит русских, — утверждает поэт, — и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него по-неволе. С какой простодушной досадою жалуется он на Петра, предпочитающего своих полудиких подданных храбрым и образованным иноземцам!» (X, 297). И ещё: «Благодарим нашего автора за драгоценное показание. Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что Пётр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали партии русской» (X, 312).

В конечном счёте столь же национальной почитал Пушкин и всю петровскую реформу.

Здесь не место обсуждать старую проблему подлинности записок А. О. Смирновой в целом. Но одно из интересующих нас мест несомненно следует принять, т. к., по выражению С. Л. Франка, достоверность здесь «совершенно очевидна по внутренним основаниям»⁵. Сочинительница мемуаров не могла бы самостоятельно прийти к следующему явно пушкинскому суждению:

«Я утверждаю, что Пётр был архирусским человеком, несмотря на то, что сбрил свою бороду и надел голландское платье. Хомяков заблуждается, говоря, что Пётр думал как немец. Я спросил его на днях, из чего он заключает, что византийские идеи Московского царства более народны, чем идеи Петра?»⁶

Глубина этого суждения, пусть и высказанная в ослабленной мемуарной форме, всё равно потрясает каждого, кто причастен русской

культуре. Во-первых, отсюда следует, что в отечественной истории петровское новаторство Пушкин рассматривает как явление традиционное, имеющее аналогии в великокняжеских усилиях Ольги, Владимира Святого, Ивана III. А во-вторых, Пушкин уже предвидит то будущее России, в котором допетровский и петровский пласты сознания соотечественников сольются столь же неразделимо, как к XVIII веку на русской почве слились славянское язычество и греческое православие.

Шаг пушкинской исторической мысли здесь беспримерно широк; он преодолевает толщу столетий...

2.

Замысел «Истории Петра» и несколько этапов его воплощения приходятся у Пушкина на последнее десятилетие жизни. Подробная и детальная хронология его работы затруднена, т. к. источники по этому предмету немногочисленны и противоречивы.

До середины 20-х годов ничто, кажется, не свидетельствует о специальном интересе Пушкина к царствованию Петра I. Несколько мыслей в «Заметках по русской истории XVIII века», несколько случайных упоминаний имени реформатора в письмах и стихах — вот, по-видимому, и всё, что связывает пушкинское творчество с переворотом столетней давности. Однако общий интерес к петровской теме проявляется у поэта не позднее, чем в годы южной ссылки.

Приятель Пушкина И. П. Липранди рассказывал, как Александр Сергеевич искал следы прутского лагеря Карла XII в Молдавии, а потом, в 1824 году, беседовал с казаком Николой Искрой, помнившим, якобы, времена Северной войны⁷. К анекдотам о Петре I приводили Пушкина и семейные предания — о царском арапе Ибрагиме⁸ и о любимце государя Юрии Алексеевиче Ржевском, деде А. М. Ганнибал⁹.

Первым дошедшим до нас свидетельством серьёзного пушкинского замысла о Петре I явилась дневниковая запись А. Н. Вульфа, сделанная 16 сентября 1827 года после визита в Михайловское. Он застал Пушкина у рабочего стола, на котором рядом с сочинениями Монтескье, Альфьери и Карамзина лежало издание «Журнала Петра I»¹⁰. Далее Вульф пишет:

«Играя на бильярде, сказал Пушкин: “Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей “Истории”, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря”»¹¹.

В реплике Пушкина — всё значительно. Время Петра поставлено здесь в общую связь с тысячелетней историей России — от варяжских

князей до царствующего императора. Требование «непрерывно описывать современные происшествия» даёт понятие об источниковедческих приоритетах будущего историографа — потомки так же станут ссылаться на наши записки, как мы сегодня строим свои исторические труды на дневниках и воспоминаниях предков. «Перо Курбского», применяемое к истории Александра I, есть образ критического подхода к материалу прошлого — и близкого, и далёкого¹². Poleмический выпад против Н. М. Карамзина в контексте собственных планов намекает на возможность личного соперничества с автором «Истории Государства Российского».

Краткая запись Вульфа обладает достоинством очевидной достоверности. Это не позднейшие мемуары, а дневниковая заметка, написанная сразу после беседы; она принадлежит человеку, которого содержание сообщаемого никак лично не затрагивает. Следовательно, можно уверенно считать, что осенью 1827 года Пушкин уже вынашивал замысел: непременно написать историю Петра Великого.

Общие контуры этого замысла можно наметить.

Всего только год назад — в сентябре 1826-го — в судьбе Пушкина произошел важнейший поворот. После известной беседы с императором Николаем I поэт, ранее подозреваемый во всех либеральных и атеистических грехах, был возвращён из ссылки и формально обласкан монархом. Но отношение к новому государю складывалось у Пушкина, разумеется, далеко не только по мотивам личной благодарности. В сентябрьской аудиенции 1826 года Николай I обещал Пушкину нечто очень важное для страны — видимо, коренные реформы, совпадавшие с державными идеалами поэта: смягчение крепостничества, ограничение власти чиновников, очищение и укрепление дворянского сословия. Казалось, всё это не останется только благими пожеланиями. Уже в начале декабря 1826 года царь приступил к реформам в указанных направлениях; был создан секретный комитет, призванный подготовить преобразования. И Пушкин знал о его работе.

Одновременно — с лета 1826 года — шла победоносная для России война с Персией; императорские войска громили иранскую армию и штурмом взяли Эривань в октябре 1827 года — как раз в дни, когда Пушкин беседовал с Вульфом.

Исторические параллели напрашивались.

Начало царствования Петра I сопровождалось бунтами, дворцовыми переворотами, расколами и казнями. Но затем нестроения были преодолены; укрепилась власть сильного монарха, государство очистилось верно направленными преобразованиями; военные победы стали апофеозом славы отечества. Нечто подобное Пушкин рисовал себе и в текущей истории николаевского правления: за кровавой развязкой дела 14 декабря и должны были следовать благодетельные реформы, военные победы, возвышение умных государственных мужей.

Под знаком таких или подобных историко-политических размышлений и складывался у Пушкина замысел на тему о Петре. Кроме уже упомянутых стихов «Стансы» и «Друзьям» ему соответствовали главы из романа о царском арапе и поэма «Полтава». Во всяком случае, царствования Петра I и Николая I Пушкин в эти годы не собирался описывать «пером Курбского». Более того. В его сознании укрепляется очевидная аналогия между судьбой предка, арапа Ибрагима, и его, Пушкина, собственным предназначением. Арап был, как известно, «царю наперсник, а не раб». Похожую роль видел для себя и Пушкин — служить добру у трона «нового Петра», т. е. Николая I¹³.

Желание писать историю Петра есть, таким образом, симптом нового отношения Пушкина к власти. От полного неприятия александровской эпохи поэт переходит к заинтересованному ожиданию, к желанию способствовать реформаторским усилиям молодого императора. Это далеко ещё не готовность вступить в службу, но уже и не оппозиционность недавних времён.

Важно, однако, подчеркнуть, что «История Петра» зарождается как вольный замысел вольного Пушкина. В этой будущей работе он не стеснён ещё никакими внешними условиями, запретами, ограничениями. Свобода обращения с темой естественно звучит в деревенской глуши, в мирной беседе с приятелем.

На рубеж 20—30-х годов приходится и другой существенный сдвиг в сознании Пушкина. Не отказываясь от лирики, поэт начинает переходить к более спокойным, более «рассудительным» видам и жанрам произведений: прозе, драме, документальному повествованию. Он и сам замечает, как надоел и превратился в мальчишескую забаву четырёхстопный ямб. Перевалив за тридцать лет, Пушкин готов потеснить лирическую музу Эвтерпу для Клио, музы истории. Барон Е. Ф. Розен вспоминал, как Пушкин судил о возрасте литератора: «... бывало, Пушкин спросит: не написал ли я новых пьес? и всегда советовал не пренебрегать при серьёзном, продолжительном занятии драмою минутами лирического вдохновения. «Помните, — сказал он мне однажды, — что только до 35 лет можно быть истинно-лирическим поэтом, а драмы можно писать до 70 лет и далее!»¹⁴

Склонность к историческим изысканиям вокруг Петра I приходится, следовательно, на скрещение нескольких потоков пушкинского самосознания — политических, художественных, даже и возрастных. С зимы 1831 года Пушкин женат, и это тоже вносит свои коррективы не только в образ жизни, но и в характер кабинетных занятий: всё влечёт поэта к повседневным размышлениям о судьбах отечества, к спокойным исследовательским трудам.

Поворот судьбы настиг Пушкина там, где он меньше всего мог его ожидать, — в аллее царскосельского парка.

Шло лето 1831 года, первые, «медовые» месяцы семейной жизни. Нетрудно представить себе, с каким восторгом Пушкин вновь, после полутора десятилетий разлуки, открывал для себя потаенные уголки, знакомые ещё с времён лицейских, как дарил свои пенаты молодой жене. Счастливые недели Пушкины проводили на даче Китаевой; там поэт перечитывал старые стихи, писал сказки, принимал петербургских друзей.

История не сохранила точную дату того утра, когда в дальней и совершенно пустынной парковой аллее случайно встретились на прогулке две четы — государь с государыней и отставной чиновник Пушкин с женой. Их величества были полны благосклонности и снисходительности. Пока дамы, отступив на несколько шагов, щебетали о своём, Николай ласково беседовал с поэтом — как живёшь, Пушкин? что пишешь? И Пушкин, доверчиво глядя в глаза императору, отвечал, что живёт хорошо, пишет сказки.

Потом разговор почему-то зашел о Петре Великом. Фрейлина Россет, вероятно, со слов поэта, так записала беседу:

«Государь сказал Пушкину:

— Мне бы хотелось, чтобы король Нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме.

Пушкин ответил:

— Государь, в таком случае я попрошу Ваше Величество назначить меня в дворники.

Государь рассмеялся и сказал:

— Я согласен, а покамест назначаю тебя его историком и даю позволение работать в тайных архивах»¹⁵.

В записи Россет легендарна только первая часть — обмен репликами о саардамском домике. Но и он требует внимания — ведь Пушкин в несерьёзной, шутливой форме просится в службу: при Петре — хоть в дворники. Царь необычайно чуток к таким просьбам. Особенно сейчас, когда служить готов не какой-нибудь очередной карьерист, а первый поэт России, вчерашний либерал и фрондёр. Во второй реплике царь как бы ловит Пушкина на слове — служи. И тут же милостиво повышает его в чине, назначает не дворником, а придворным. Придворным историографом.

С осени 1831 года отставной Пушкин после семилетнего перерыва возвращается в службу, в прежнее своё ведомство иностранных дел.

3 сентября Пушкин пишет из Царского Села в Москву П. В. Нащокину: «У меня, слава Богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай Бог здравия царю!» (XIV, 219).

Эйфория Пушкина понятна. Вместе со званием историографа он, как ему кажется, обретает новую и весьма высокую жизненную позицию. До него в России было всего два государственно признанных историографа: в XVIII веке — М. М. Щербатов и в начале XIX века — Н. М. Карамзин. Оба отличались самым высоким положением. Сенатор, действительный тайный советник Щербатов прославился при Екатерине Великой как яркий публицист и суровый критик режима; он позволял себе разоблачать многие неприглядные стороны политики и быта при дворах императриц. Карамзин же в конце царствования Александра I был ближайшим советником монарха.

Царское Село ещё помнило, как государь Александр Павлович, выходя на утреннюю прогулку, стучал в окошко Карамзину. День начинался с неспешного шествия по аллеям: император и историограф мирно беседовали, обсуждали всё — от текущих дел до философских и религиозных материй. Карамзину при дворе смертельно завидовали, но его авторитет был непререкаем¹⁶.

Пушкину летом 1831 года, вероятно, виделось что-то подобное; он страдает «простодушием гениев». Ему кажется, что вместе со званием Карамзина он сможет унаследовать и его положение — доверенность государя, возможность влиять на ход дел, поводы преподавать монарху исторические уроки. Имя Карамзина недаром возникает под пером Пушкина в переписке, связанной с возвращением в службу. Это из июльского письма А. Х. Бенкендорфу: «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу современем исполнить давнишнее моё желание написать историю Петра Великого...» (XIV, 256).

Сокровенное стремление выражено здесь в отрицательной форме. На пушкинское «не смею и не желаю» А. А. Ахматова отвечала прямо и коротко:

«И смел, и желал»¹⁷.

Развивая ту же мысль, она выявила очень важную грань пушкинского самосознания:

«В биографии Пушкина этот вопрос имеет очень серьёзное значение.

30-е годы для Пушкина — это эпоха поисков социального положения. С одной стороны, он пытается стать профессиональным литератором, с другой — осмыслить себя как представителя родовой аристократии.

Звание историографа должно было разрешить эти противоречия.

Для Пушкина это звание неотделимо было от образа Карамзина — советника царя и вельможи, достигшего высшего придворного положения своими историческими трудами»¹⁸.